

Александр Стрекалов
Гримасы Судьбы

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Стрекалов А. С.

Гримасы Судьбы / А. С. Стрекалов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

О нелёгкой судьбе инвалида.

© Стрекалов А. С., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

А

·

С

·

Стрекалов

Дядя Вася

Все проблемы его начались с трёх с половиной лет, когда он, крепенький и румянёный карапуз, оставленный дома один, заигрался и свалился с печки, с двухметровой её высоты, не такой уж страшной и опасной вроде бы. Голова, спина и руки при этом не пострадали, слава Богу, но при падении маленький Вася сильно ударился об угол скамейки крестцом. После чего у него почти сразу же отнялись и пересохли ноги, сделавшиеся непослушными и неуправляемыми как надломленные бурей ветки, будто бы отделившимися изнутри от остального тела и существовавшими уже как бы сами по себе, автономно и независимо, одиноко и сиротливо.

Что там такое с несчастным мальчиком произошло в физиологическом плане? и можно ли было этот тяжёлый недуг по горячим следам вылечить и исправить? – теперь уже невозможно определить. Как невозможно было сделать этого и тогда, по горячим следам, из-за недостатка денег и времени. Ведь случилась трагедия, поясним, в первой половине 1930-х годов в глухой забытой Богом деревне Центральной России в семидесяти километрах от Тамбова, в нищей крестьянской семье, в разгар коллективизации к тому же. Родителей Васи загнали в колхоз и заставили там ишачить сутками без продыха и выходных – на горбу вытягивать-выполнять вместе со всеми первый советский пятилетний план по выводу обожжённой и ограблен-

ной Революцией и Гражданской войной страны из экономической трясины, тотальной нищеты и разрухи, спасти горожан от голода. Лишнего времени тогда не было ни у кого. Детки росли бесхозными, почти-что сиротами. . . Кому из них везло – тот выживал и становился полноценным и крепким, к самостоятельной жизни полностью приспособленным. С кем же по недосмотру случалась беда – помирали быстро, либо становились калеками.

Васятке не повезло: он упал и убился, спину больно зашиб. И весь день провалялся под лавкой, скрюченный, в ожидании помощи. Вернувшиеся под вечер с работы отец и мать, увидев посиневшую и распухшую от удара поясницу младшего сына и его самого, бледного и перепуганного, на полу жалобно стонущего, лишь всплеснули руками и заплакали-запричитали дружно. После чего, спохватившись, подняли продрогшего кроху на руки, расцеловали, перевязали и накормили, бережно уложили спать. А потом перекрестились на образок и обречённо понадеялись оба, что всё у того обойдётся в итоге и заживёт: отпустит болезнь онемевшие и одеревеневшие ножки. . .

Но болезнь не ушла, не отпустила Васятку: ежевечерние истовые молитвы и горькие слёзы родительские не помогли избежать беды, или хотя бы ослабить недуг ребёнка. Ушибленные ноги его с того трагического момента так себе плетями и висели на теле, и признаков жизни не подавали. Совсем. Тело мальчика принялось жить, расти и развиваться как бы само по себе, нормально, здорово и правильно. А ноги будто бы замерли и остановились в развитии, уродуя внешне парня и одновременно напрягая и мучая его изнутри, озорного и подвижного от природы, всю дорогу рвавшегося прыгать-скакать и резвиться вместе с другими, везде лазить, мешаться, бегать наперегонки. А тут его вроде как спеленали-стреножили лихие люди – и не торопились освобождать, вроде как про него забыли.

Больные ножки, крепко привязавшие Васю к дому, лавке, двору и крыльцу, всё больше и больше отделяли и отдаляли его от ровесников, от двух здоровых братьев в первую очередь, делали муторной жизнь и его самого, и его ближайшего окружения. В семье все как-то вдруг быстро поняли, что их младший сын и брат – инвалид. И придётся теперь с этим пренеприятным фактом считаться, тащить его, убившегося, на себе, всегда держать рядом и не отпускать, помогать ему выжить и уцелеть в этом холодном и злобном мире.

Поначалу так оно всё и было: семья опекала и лелеяла хромоногую Васю как могла, максимально избавляла его от проблем и неудобств ежедневных, житейских. И пока родители были рядом, а два старшие брата и сестра не выросли и не окрепли ещё, не выпорхнули из родного гнезда – Васятка настоящего горя и слёз не знал: семья от них его старательно ограждала.

Но в 1941-м году, в августе, убили на фронте отца (пропал без вести по *похоронке*), и жизнь 11-летнего мальчика поменялась круто. У рано овдовевшей и насмерть перепуганной и придавленной жизнью матери на него уже не хватало сил, чтобы с Васяткой как раньше персонально нянчиться. Ему приходилось уже самому учиться жить, обслуживать себя, недоделанного, за себя бороться. . .

Но и это ещё не было самым страшным – пропажа кормильца-отца. Настоящие беды его начались с тех пор, когда подростки и возмужавшие братья во второй половине 1950-х принялись один за другим жениться и уходить из родного дома, вить себе гнёзда на стороне, заводить собственных ребятишек, которые им обоим становились уже дороже и ближе естественно, и родней, чем хромоногий младший братишка. Вечно ноющий и капризный, неудельный какой-то, невзрачный, неполноценный, привязчивый и несамостоятельный, он становился обузой и элементарно им надоел. Поэтому-то помогать и поддерживать его как раньше они уже не спешили, стремглав не бросались на выручку: и желание убавлялось с годами, братские чувства, и не доходили руки.

А уж когда и сестрёнка старшая, любимая, вышла замуж и на жительство к мужу ушла, и у неё один за другим стали появляться дети, мальчик и девочка, из-за которых она про брата-калеку забыла почти, уделяя всё время и силы грудничкам-малюткам, – тут уж Василию жить и терпеть мытарства стало совсем невмочь, психологически в первую очередь. Он отчётливо понимал, что далее горе мыкать придётся ему одному, на пару со старенькой матерью. И что одиночество это его, скорее всего, пожизненное.

От одной только этой мысли он, уродливый хромоногий изгой, кроме матушки никому не нужный и не интересный, даже и родственникам, принялся ежедневно пить, глушить самогонкой чёрные мысли-переживания, что неотступно следовали за ним по пятам и сулили Василию в недалёком будущем нешуточные проблемы, с реальным голодом связанные, мучительной смертью. Убитая горем мать видела, что с сыном творится неладное, понимала, что его надо срочно спасать, пристраивать в дело – женить понимай, как других, пока он совсем не спился и не загнулся под лавкой. Но на ком женить? – сразу же вставал вопрос. Кто захочет пойти за такого уродца?...

От подруги на ферме она узнала по случаю, что в соседнем селе живёт-поживает с родителями и также вот горе мыкает одинокая Анна, старая 40-летняя дева, не могущая никак выйти замуж по какой-то причине, которая была старше Василия аж на 15 лет. Многовато, конечно же, перебор, “товар просроченный, залежалый”, как говорится, – но куда было деваться-то? Уж лучше с такую “кошёлкой трухлявой” соединиться, образовать союз, чем совсем одному куковать, в обнимку с бутылкой...

Подумали-подумали, повздыхали-поохали старшие братья с матерью, прикинули в голове все выгоды и затраты – и послали к девке сватов, сговорились, привезли её на смотрины. И получилось, что и она категорически не понравилась Василию в тот свой первый приезд: старая была больно, страшная и носатая как цапля, бедно одетая, – и он ей – тоже. Хотя и был виден собой, сидючи за столом-то, с руками, ногами как говорится, какой-никакой, а мужик. Но ноги-то у него были уж больно странные – тонкие и кривые, слабенькие, ненастоящие будто бы, ненатуральные, которые уже и тогда, в 25 лет, еле-еле удерживали в равновесии худое тело его, заставляли переваливаться с боку на бок при каждом новом шаге словно пингвину, сильно потеть, а передвигаться с палкою...

В общем, целых полгода после свидания думали-гадали оба, переваривали обоюдную неприязнь в душе, расстройства сильные и брезгливость. После чего сквозь зубы объявили родителям, что жениться согласны: давайте готовьтесь, мол... Родители обрадовались, перекрестились, сыграли скромную свадьбу, чтобы не смешить людей. После чего молодые стали жить в доме у Васиной матери, которая здорово им помогала на первых порах: всё хотела молодой угодить, по возможности заменить в их семье инвалида-сына; чтобы семья не распалась в первый же месяц, не убежала жена от Васятки.

Ей это удалось – поневоле возникший союз сберечь. И через два года у молодых родился парнишка. Как ни странно покажется – крепенький и здоровый, хороший собой. Не в родителей убогих и страшненьких пошёл парень: похоже, от дедов и прадедов здоровье и красоту урвал, чтобы передать её по наследству, когда подойдёт срок, уже собственным ребятишкам...

А приблизительно в это же время старший брат Василия, Михаил, обосновавшийся в райцентре после службы в армии, работавший инструктором в местном горисполкоме, заведении элитном и значимом, достаточно властным в ту пору, стал перетаскивать туда, в райцентр, и родню – чтобы повеселее в городе было им и ему жить, полегче и понадежнее большим коллективом. Сначала помог перебраться из деревни в город среднему брату Виктору; потом – сестре Татьяне. А под конец перевёз туда и младшего инвалида Василия с семьёй, выбил им всем на первых порах бараки.

Виктор и Татьяна вживались в специфическую городскую среду достаточно быстро и без проблем: были шустрые и здоровые оба, имели такие же здоровые семьи, крепких жён и детей. Инвалиду Василию приходилось в этом отношении куда сложнее, за ними здоровыми-то угнаться: он шустрым и пробивным быть не мог по определению, или по воле Судьбы, если быть совсем точным... Но жить-то ему и его семье хотелось не хуже и не беднее всех остальных – это дело нормальное и естественное, и очень даже понятное. Вот предельно самолюбивый и волевой от природы Василий и рвался из последних сил, не желал отставать от других, здоровых и пронырливых родственников и соседей, падать в грязь лицом перед ними, нытиком-слабаком выставляться, в нищете и серости прозябать, беспробудном пьянстве и скотстве.

После переезда в город он сразу же устроился работать в сапожную мастерскую сапожником, где надо было на заднице весь день сидеть и никуда не ходить, не дёргаться, что его, инвалида, вполне устраивало. Устраивала и зарплата, неплохая в целом, да ещё и сделная. Сколько каблуков на подошву набьёт, сколько туфель и сапог залатает-починит – столько и получит на руки. А он на работу злой был, горячий: трудился много и качественно, на совесть. От заказчиков претензий и нареканий не было, жалоб.

Одна его мучила беда: до работы надо было каждый Божий день добираться как-то. Полкилометра туда, полкилометра обратно, – мелочь вроде бы для здорового человека. Но для него, слабоногого, это превратилось в большую проблему с первого дня, отнимавшую изрядную долю сил. Да и времени – тоже.

Поэтому-то – хочешь, не хочешь, – но он сразу же вынужден был одолжиться и купить себе велосипед, который был жизненно необходим и стоил в 60-е и 70-е годы очень и очень дорого. Четыре месячные зарплаты отнял двухколёсный транспорт в итоге, который с того времени у него регулярно крали бессердечные злые люди, когда он его у продмага порой оставлял, чтобы зайти вовнутрь и купить папирос или домой съестного. Пока он заползал в магазин черепахою, пока покупал и упаковывал товар, рассчитывался с продавцами, пот с лица вытирал, переводил дыхание где-нибудь в сторонке, – местные жулики-щипачи, будто специально стоявшие поодаль и его, бедолагу, выслеживавшие, Василия и наказывали, “опускали на бабки”, как теперь бандюки говорят, объегоривали. Он выходил на улицу, взмыленный и покрасневший от ходьбы, – глядь, а велосипеда-то уже и нет: подлые мужики или дети, зная, что хромоногий хозяин не догонит их, не надаёт по шее как следует и не сдаст в милицию, преспокойненько угоняли технику, которая, повторимся, была тогда дефицитом и стоила страшно дорого даже и для городских. Не говоря уж про нищих деревенских жителей, до старости передвигавшихся на своих двоих.

Так вот и наживались на нём гадкие и мелкие людишки, не испытывая ни сострадания к инвалиду, ни снисхождения. Около десяти раз в общей сложности угоняли у него в городе двухколёсный транспорт, без которого он передвигаться не мог и, потеряв который, сильно потом, навзрыд плакал... Отревав и утерев сопли, возвращался домой кое-как, под старость – ползком почти, занимал деньги на новый, просил братьев сходить и купить побыстрее, и потом долго деньги копил, себя урезал во всём, чтобы с родственниками рассчитаться...

Проблема с деньгами была для него с тех пор пожалуй что главной в городе после собственных недоделанных и слабосильных ног: денег ему всегда катастрофически не хватало. Хотя зарплата сапожника была неплохой, – но единственной. Потому как жена его Анна оказалась бабою норовистой и праздной: работать категорически не желала, брезговала; считала, что работать в семье должен был муж. А то что супруг инвалид, – её это мало трогало и волновало... Больше скажем: раздражало всегда, тоску и тихую ярость в душе вызывало с брезгливостью вперемешку, вечное чувство стыда перед родственниками и соседями, глядевшими на супруга с жалостью плохо скрываемой, болью. «Это твои проблемы, – с неприязнью гово-

рила она ему всякий раз в застольных семейных беседах, когда дело финансов касалось и их нехватки. – Родителей своих благодари, что они **такого**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.